

С.М. Устинов

**Записки начальника контр-
разведки
(1915-1920 г.)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.М. Устинов**
Записки начальника контр-разведки: (1915-1920 г.) / С.М. Устинов – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 146 с.

ISBN 978-5-517-97852-3

ISBN 978-5-517-97852-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Я также хочу отдать свою жизнь за царя и отечество!
Я тоже русскій, я тоже гордь!

О святія чувства! Благіе порывы!

Я пошелъ на Историческій бульваръ и долго ходилъ среди безмолвныхъ памятниковъ великой эпохи. Передо мной тянулись разрушенные бастионы, остатки прежнихъ бойницъ. Здѣсь тысячи русскихъ сыновъ, защищая отечество, нашли славную смерть. Мнѣ казалось, что я вижу этихъ героевъ, вижу ихъ подвиги, такъ возвеличившіе Россію! Они умѣли умирать и знали (за что умирали.

Меня потянуло къ памятнику Нахимова. Мнѣ хотѣлось еще разъ посмотрѣть на этого героя, воплотившаго въ себѣ неустрашимость и безграничную любовь и преданность къ родинѣ. Я долго съ восторгомъ смотрѣлъ на гордую его статую, которая казалось застила въ себѣ духъ бессмертнаго героя! Великій герой!

И опять неудержимо потянуло меня скорѣе идти туда, куда шли тысячи, миллионы русскихъ, туда, куда звалъ меня мой долгъ, идти съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою родину, исполнить то, что надлежало всякому гражданину великой державы Россіи!

И только иногда, вдругъ, какъ порывъ вѣтра, словно нечаянно сорвавшійся съ ближайшей скалы, на меня налетало минутное сомнѣніе: Какъ, оставить все, чѣмъ жилъ до сихъ поръ! Пренебречь своимъ покоемъ, комфортомъ, удовольствіями, обезличить себя, отдать свою волю, независимость и стать безмолвной пѣшкой, атомомъ великаго и необъятнаго, одной единицей миллионной арміи. Поборошь свою гордость и съ христіанскимъ смиреніемъ переносить обиды, несправедливости и даже оскорбленія. Смогу-ли я? Не возмутится ли мой духъ и не замучитъ ли меня раскаяніе, не погублю ли я напрасно свою жизнь? Но любовь къ родинѣ, вѣра въ Россію,

сознаніе долга и готовность къ самопожертвованію побѣждаютъ животное чувство страха и себялюбія. Высокія чувства разсѣиваютъ сомнѣнія. Духъ торжествуетъ надъ низкими инстинктами животнаго эгоизма и окончательно укрѣпляетъ созрѣвшее рѣшеніе. Кончено. Я иду на фронтъ! Исполненіе долга дороже жизни. Пусть я умру, но только тамъ я могу найти счастье.

Тихо, но явственно въ тиши пробили склянки. На минуту все словно замерло въ торжественной тишинѣ и вдругъ тысячи голосовъ запѣли вечернюю молитву. Пѣли далеко, на томъ берегу бухты, во флотскомъ экипажѣ, но слышно было каждое слово молитвы (Господней!

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ. Да святится имя Твое, да будетъ воля Твоя...

Я опустилсѣ на колѣна, съ мольбою поднялъ взоръ къ небу и съ глубокимъ чувствомъ вѣры повторилъ слова молитвы. — Да будетъ воля Твоя... Да будетъ воля Твоя!» И вдругъ слезы какого-то новаго счастья, неизвѣданнаго блаженства, сладостнаго покоя невольно потекли изъ глазъ, и такъ хорошо, такъ легко стало на душѣ... Да будетъ воля Твоя!

Рано утромъ, послѣ почти безсонной ночи, но бодрый и веселый, я былъ уже у воинскаго начальника. Весьма милый и обходительный полковникъ любезно принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и видимо былъ очень удивленъ, узнавъ о цѣли моего посѣщенія. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что я, нотариусъ, человѣкъ съ независимымъ положеніемъ и освобожденный отъ воинской повинности, серьезно хочу идти добровольцемъ въ качествѣ простаго солдата. Онъ старался разубѣдить меня въ моемъ недостаточно продуманномъ по его мнѣнію рѣшеніи, предупреждая меня о всей трудности военной службы и безвозвратности разъ принятаго рѣшенія. Но

я заявилъ ему, что я все знаю, все обдумалъ, но что иначе поступить не могу. Полковникъ очень долго спрашивалъ меня о моей жизни, какъ бы желая ближе познакомиться со мной и понять причины, заставившія меня принять такое рѣшеніе. Ему все казалось невозможнымъ объяснить его просто однимъ моимъ желаніемъ. Онъ съ грустью проводилъ меня до вѣхода, съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и въ его глазахъ я прочелъ столько расположенія, что я еще болѣе убѣдился въ правотѣ своего рѣшенія. Это тронуло меня, но не смутило!

Цѣлый день я чувствовалъ себя удивительно бодро, но странно... я боялся признаться даже своимъ друзьямъ въ томъ, что завтра я буду простой солдатъ. Вечеръ я провелъ въ гостяхъ шумно и весело, но мнѣ казалось, что я присутствую на собственныхъ похоронахъ. Что подумаютъ всѣ, когда узнаютъ, что я солдатъ? Не положитъ-ли это между нами непреодолимой преграды? Будутъ-ли меня также принимать, не отшатнется ли отъ меня общество, узнаютъ-ли меня эти господа въ солдатской шинели? Какія разочарованія меня ждутъ? Какъ откроются мои глаза на всю фальшь человѣческихъ отношеній. Я многое уже понималъ и предвидѣлъ.

На другой день въ 6 часовъ утра я долженъ былъ быть у Воинскаго Начальника, чтобы получить предписание и литеръ на проѣздъ въ Симферополь въ пѣхотный полкъ. Я одѣлся, какъ можно проще, въ высокіе сапоги, въ рубашку съ кушакомъ и старое пальто, чтобы по возможности не выдѣляться изъ той толпы, въ которую я вливался. Я ограничился самымъ незначительнымъ багажемъ, рѣшивъ отказаться отъ многихъ своихъ буржуазныхъ привычекъ, чтобы скорѣе привыкнуть къ условіямъ новой жизни и къ ея лишеніямъ.

Въ темной задней комнатѣ Воинскаго Начальника кромѣ меня собралось еще пять человѣкъ, также отправляемыхъ въ запасный полкъ. Мы всѣ ждали молча уже болѣе часу, даже не думая спросить долго-ли намъ придется еще ждать. Да и смѣли-ли мы спрашивать, волноваться, просить? Не все ли равно. За насъ должны были думать и беспокоиться другіе. Послѣ полной свободы, которой я всегда пользовался, и связанной съ ней отвѣтственности, было даже какъ-то спокойнѣе на душѣ отъ сознанія, что съ лишеніемъ свободной воли съ меня спала и часть отвѣтственности и что вся жизнь уже болѣе не зависитъ отъ меня, а будетъ идти по опредѣленной колеѣ, изъ которой трудно вывихнуться.

Наконецъ вошелъ писарь и сдѣлалъ перекличку. Всѣ оказались на лицо. Писарь забралъ ворохъ приготовленныхъ документовъ и понесъ къ Воинскому Начальнику. Я понялъ, что сейчасъ будетъ подписанъ мой приговоръ, окончательно рѣшающій мою жизнь. Дѣйствительно, скоро вошелъ Воинскій Начальникъ.

— Устиновъ! выкрикнулъ онъ, вынимая изъ документовъ одинъ и протягивая мнѣ его. — Будешь за старшаго. Вотъ предписаніе и литеръ на шесть человѣкъ. Отправишься съ девятичасовымъ поѣздомъ въ Симферополь и явишься вмѣстѣ со всѣми въ Штабъ 33-го запаснаго полка...

Онъ нѣкоторое время задержался, какъ бы не зная, что еще сказать. Затѣмъ, стараясь не встрѣчаться съ моимъ взглядомъ, какъ-то нерѣшительно добавилъ: «Ну, съ Богомъ!» и быстро вышелъ.

Обращеніе ко мнѣ на «ты» человѣка, который еще вчера былъ такъ изысканно вѣжливъ со мной — было какъ-бы мое боевое крещеніе. Мнѣ было какъ-то странно, но я не нашелъ въ этомъ ничего оскорбительнаго.

Я понималъ, что Воинскій Начальникъ быть можетъ умышленно былъ со мной болѣе официальнымъ, чѣмъ это было нужно, желая сразу же мнѣ показать всю суровость военной дисциплины, не вѣдающей исключеній. Это былъ своего рода тактъ, выработанный долгой военной службой. Для Воинскаго Начальника я былъ уже не нотаріусъ, я сталъ въ его глазахъ номеромъ въ рядѣ милліоновъ другихъ такихъ же номеровъ. И такъ конечно было для меня лучше, я сталъ солдатомъ и могъ только требовать къ себѣ того законнаго отношенія къ солдату, какъ предусмотрено это въ воинскомъ уставѣ.

Я попалъ въ 3-ю роту 33-го запаснаго пѣхотнаго полка. Наша рота была помѣщена на фабрикѣ Абрикосова. Весь громадный фабричный флигель былъ отвѣденъ подъ казармы. Я явился въ ротную канцелярію въ то время, когда рота находилась на занятіяхъ. Изъ разговоровъ съ писаремъ въ ожиданіи прихода ротнаго командира я узналъ, что ротный командиръ поручикъ И. очень хорошій человѣкъ и что вообще въ ротѣ народъ все хорошій. Рота уже получила названіе маршевой, такъ какъ закончила свою шестинедѣльную подготовку и въ скоромъ времени отправлялась на фронтъ.

Скоро я услышалъ ротное пѣніе съ выкриками и присвистомъ. У меня забилося сердце. Рота вошла во дворъ, выстроилась и затѣмъ по командѣ разошлась по двору и казармамъ. Канцелярія наполнилась пришедшими взводными, фельдфебелемъ и солдатами, получающими различныя распоряженія. Наконецъ пришелъ и ротный командиръ. Распросивъ меня и узнавъ, что я нотаріусъ и поступилъ добровольцемъ, онъ видимо очень удивился. Онъ нѣсколько разъ повторилъ: «Какъ же вы это такъ рѣшились? Вѣдь вамъ будетъ тяжело». По его распоряженію фельдфебель сейчасъ

же повелъ меня къ каптенармусу, который и обмундировалъ меня съ ногъ до головы во все солдатское. Все было немного длинно и широко, но въ общемъ нашлось все чистое, новое и носить было можно. Только сапогъ не нашлось на мою ногу и мнѣ пришлось остаться въ своихъ. Затѣмъ взводный предложилъ мнѣ занять любую свободную койку и, если хочу, отдохнуть. «А завтра уже пойдемъ на ученье», добавилъ онъ.

И ротный, и фельдфебель и взводный — всѣ показали мнѣ очень славными. Всѣ видимо старались меня «успокоить», хотя я вовсе не мучился, а чувствовалъ себя прекрасно. Обѣдалъ я вмѣстѣ со всѣми. Я боялся, что мнѣ придется ѣсть изъ общаго котла и не зналъ сумѣю ли преодолѣть врожденную мнѣ брезгливость, но къ счастью, каждый имѣлъ свою жестяную чашку и свою ложку. Борщъ съ саломъ и перловая каша, быть можетъ потому, что я былъ голодень, показались мнѣ очень вкусными и я вполне успокоился. Вообще, чѣмъ болѣе я присматривался къ новой обстановкѣ, тѣмъ все казалось мнѣ не такимъ ужаснымъ, какъ я представлялъ себѣ. Служба была тяжелая и жизнь не сладкая, но я сразу же понялъ, что если забрать себя въ руки и точно и строго исполнять съ надлежащей добросовѣстностью всѣ требованія службы и военной дисциплины, служить не за страхъ, а за совѣсть, съ полнымъ сознаниемъ своего долга, то ничего ужаснаго въ военной службѣ нѣтъ. Я оправдывалъ и чрезмѣрную строгость и суровыя наказанія. Я понялъ, что безъ этого не можетъ быть арміи. Чтобы заставить людей по одному приказанію идти въ бой — нужно было провести ихъ сначала черезъ суровую школу. Раньше, совершенно не понимая военной службы, я обо всемъ имѣлъ совершенно превратное мнѣніе. Послѣ обѣденнаго перерыва и отдыха рота вновь выстроилась идти

на занятія. Взводный разрѣшилъ мнѣ не идти, но я такъ хотѣлъ скорѣе сдѣлаться настоящимъ солдатомъ, войти въ общую жизнь роты, что самъ просилъ разрѣшенія встать вмѣстѣ со всѣми. Мнѣ страшно хотѣлось скорѣе получить винтовку. Взводный, давая мнѣ ее и видя мое торжество и гордость, съ которой я овладѣлъ тяжелой русской винтовкой, съ улыбкой замѣтилъ: «еще успѣть надоѣсть!» Но онъ ошибся. Я сразу же полюбилъ «свою» винтовку. Я ознакомился съ ней во всѣхъ ея деталяхъ и мнѣ не надо было заучивать ея номеръ 237659. Я запомнилъ его на всю свою жизнь. Эту винтовку я носилъ пять мѣсяцевъ и сдалъ ее только въ день выхода въ прапорщики, когда вмѣсто нея я получилъ право надѣть офицерскую шашку.

Я бодро стоялъ въ строю и легко поддерживалъ винтовку. Но пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, я почувствовалъ всю ея тяжесть и моя рука начала нѣмѣть. Мы занимались недалеко отъ казармы, но на высококомъ холмѣ, и я едва преодолѣлъ его крутизну, стараясь не потерять равновѣсія и не опустить винтовки. Но на все — привычка. Послѣ я уже безъ всякихъ затрудненій легко подымался на тотъ же холмъ, а въ училищѣ проходилъ по 15-20 верстъ почти не уставая.

Такъ какъ рота уже закончила полный курсъ обученія и только повторяла различныя упражненія, то первое время я занимался отдѣльно съ ефрейторомъ. Это было самое тяжелое. Повороты я усвоилъ скоро и это было легко, но дѣлать ружейные приемы, точно, красиво, а главное легко, мнѣ не удавалось. Винтовка, такъ легко и плавно ходившая въ рукахъ ефрейтора, дѣлалась у меня тяжелымъ неповоротливымъ бревномъ. Я старался изъ всѣхъ силъ и потъ градомъ лилъ съ меня, но выходило плохо.

— «Ну отдохните малость—говорилъ ефрейторъ, видя, что я совсѣмъ запарился. — По маленьку пріобькнете». И дѣйствительно по маленьку «пріобькь». Зато какъ пріятно было по окончаніи ученія подъ веселую удалую пѣсню спускаться внизъ съ холма и идти на отдыхъ въ казарму! На душѣ было весело отъ сознанія, что ты добросовѣстно потрудился и имѣешь право на заслуженный отдыхъ! И съ какимъ аппетитомъ я ѣлъ тѣ-же щи и громадную краюху настоящаго чернаго солдатскаго хлѣба!

Вечеромъ послѣ переклички рота выстроилась на молитву. По командѣ всѣ сняли фуражки и тихо, стройно, благоговѣйно спѣли молитву. И я, такъ рѣдко вообще молившійся, здѣсь горячо молился, чтобы Богъ помогъ мнѣ добросовѣстно исполнить свой долгъ честнаго солдата передъ Царемъ и Отечествомъ.

Рота разошлась на покой. Тихо и грустно въ полумракѣ казармы. Усталые солдаты укладываются на своихъ койкахъ и только кое гдѣ слышенъ разговоръ шепотомъ.

Послѣ всѣхъ пережитыхъ волненій, новыхъ впечатлѣній и думъ, я долго не могъ заснуть. Моимъ сосѣдомъ по койкѣ былъ еще совсѣмъ молодой юноша. Онъ тоже не спалъ(и мы разговорились. Онъ былъ круглый сирота. Звали его Миханль Рудой. Во время ужасной эвакуаціи изъ западной губерніи онъ оставилъ дома умирающаго старика отца, а по дорогѣ, у него на рукахъ, умерла старуха мать. Юноша остался одинъ и съ нѣсколькими рублями какъ-то добрался до Симферополя, гдѣ надѣялся найти своего дядю, котораго никогда не видалъ и не зналъ даже живъ ли онъ. Дяди онъ не нашелъ и почти умирая отъ голода и истощенія пошелъ въ добровольцы. Вся его мечта была сдать экзамень за четыре класса и поступить въ школу пра-

порщиковъ. Выше этого счастья онъ себѣ не представлялъ. Ротный командиръ принялъ въ немъ участие и позволялъ ему иногда не ходить на ротныя занятія, а готовиться къ экзамену и даже снабдилъ его нѣкоторыми книгами. Онъ былъ въ ротѣ уже три мѣсяца. Уже дважды при немъ роты отправлялись на фронтъ, не его жалѣли. Послѣ, сойдясь съ нимъ поближе, я сталъ охотно помогать ему въ его занятіяхъ и этимъ конечно заслужилъ у него вѣчную благодарность.

Онъ также, какъ и другіе, очень удивлялся, что имѣя право пойти въ военное училище, я поступилъ простымъ солдатомъ.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? допрашивалъ онъ меня. Я какъ могъ объяснилъ ему свои переживанія.

— Ну, а если васъ убьютъ? наивно спрашивалъ онъ меня.

— Что-же дѣлать, могъ только отвѣтить я.

Но онъ былъ убѣжденъ, что въ моей жизни были какія либо особыя драматическія причины, заставившія меня искать своей смерти. Стараясь разубѣдить его въ этомъ, я привелъ ему другое, болѣе понятное основаніе:

— Я занимаюсь литературой... пишу... вотъ и хочу все видѣть своими глазами, пережить, почувствовать самому всѣ ужасы войны, чтобы потомъ описать...

Но и къ этому онъ тоже отнесся съ недоувѣріемъ. Тѣмъ не менѣе, мы съ нимъ впослѣдствіи очень сошлись и часто бесѣдовали на разныя темы. Онъ видимо любилъ меня, что мнѣ было очень пріятно, такъ какъ я и самъ къ нему искренно привязался.

Я очень скоро освоился со своимъ положеніемъ рядового солдата. Я болѣе или менѣе сошелся со всѣми солдатами своей роты и также, какъ и въ гимназій при поступленіи въ новый классъ, увидѣлъ, что новые то-

варищи, на первый взгляд казавшіеся въ большинствѣ случаевъ неприятными, въ послѣдствіи оказывались очень славными. Многимъ изъ нихъ мнѣ приходилось давать разные юридическіе совѣты по ихъ спорнымъ земельнымъ или наслѣдственнымъ вопросамъ, многимъ я составлялъ прошенія и писалъ письма, а съ нѣкоторыми по просьбѣ взводнаго даже занимался «словестностью», которая плохо имъ давалась. Этимъ конечно до известной степени объяснялось и особо хорошее отношеніе ко мнѣ роты. Много было тяжелаго, скучнаго, но въ общемъ у меня осталось отрадное впечатлѣніе. Повторяю, что мои представленія о военной службѣ были гораздо хуже дѣйствительности. До поступленія на военную службу я очень часто слышалъ объ ужасной постановкѣ у насъ въ Россіи военнаго дѣла. Много говорили объ излишней суровости начальниковъ, о пресловутой словесности, которой окончательно забиваютъ головы солдатъ, заставляя ихъ зубрить безъ смысла китайскую грамоту, о всякаго рода издѣвательствахъ надъ личностью, о мордобитіяхъ и пр. пр. Къ чести нашей арміи (конечно бывшей) могу сказать положительно, что ничего подобнаго я не видѣлъ. Если такіе случаи, какъ «мордобитіе» вообще и были, то конечно, это были только исключенія, а не общее правило, какъ обязательный методъ воспитанія солдатъ, и всегда оставались позорнымъ поступкомъ на совѣсти отдѣльныхъ личностей, не понимающихъ своего долга и служебной чести. Напротивъ, я во всемъ наблюдалъ скорѣе отеческое попеченіе о солдатахъ. Конечно въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ созданіе образцовой дисциплинированной арміи, могли быть упущенія, были, какъ и вездѣ, гадкіе люди или просто недостаточно умные, — но все же въ основу воспитанія солдата были положены достойные принципы. Правда, старый кадровый солдатъ, нашъ